

«Роман с фамилией», моего друга Александра Кердана, живущего на склонах Уральских гор напомнил мне о далёком южном Шахсеване на восточных отрогах Кавказа, о горных теснинах Тавриды и даже о Пиренеях, где я не бывал никогда, но там тоже делают доброе вино. Очень стойкая возникла ассоциация, что книга похожа на бочонок. Доброт-

ный такой, изготовленный старым мастером винный бочонок, в трёх местах перетянутый металлческими полосами реальной жизни автора. Он состоит из трёх же отсеков, где плещется и бродит веками история фамилии, история рода. С годами вино становится ценнее, это известно каждому.

Воздвигнуть нерукотворный памятник – это мечта поэтов. Век человека скоротечен. Если сравнить его с количеством тысячелетий, когда мы ещё не жили и уже не будем, то, разумеется, сравнение будет не в пользу брэнного века людского. И именно туда, в далёкие будущие века, устремляется словно бы из самой античности автор, увлекая за собою и нас.

Едва мы отрываемся от современности, пережив с молодым ещё автором несколько вводных страниц, тут же перед нами предстаёт античный мир с его богами, битвами, героями и политическими интригами. Герой – молодой царевич, направляющийся в славный военный поход. Вместе с ним, мы невольно оглядываемся вокруг и видим одно из главных достоинств романа – невероятно детализированный, логичный и адекватный историческим реалиям мир, описанный столь подробно, что возникает абсолютно непреодолимое желание немедленно залезть в интернет и «прогуглить» каждое имя, каждое название, каждую дату.

Читатель, не обладающий энциклопедическим знанием о заданном периоде истории, неминуемо будет терзаться сомнением, а правда ли всё было именно так? Да, нравы людей, наиболее значимые имена и битвы, вроде бы, можно отыскать в соответствующих статьях, в книгах, мировой паутине, но как же остальное? Попадал ли молодой царевич в плен к заклятым врагам — римлянам, существовал ли именно этот центурион, именно этот легионер? Неужели пленный, низведённый до положения раба юноша, действительно мог благодаря удаче ли, воле богов ли, оказаться в той самой римской библиотеке, существование которой подтверждено историками? А был ли там старый грек, горячий поклонник промысла Дионисова, ставший наставником царевича? А действительно ли потом Октавиан Август распорядился приставить его в качестве учителя к своим отпрыскам? Подробнейшее описание пиров создаёт в нас, в читателях, неизменную уверенность в том, что автор если не сам вкушал амброзию на застольях римской знати, то уж совершенно точно, лично знаком с одним из счастливцев, на чью долю такая удача выпала...

Дабы не раскрывать здесь сюжета книги и не портить удовольствие от самостоятельного путешествия по его далям, но в полной мере, тем не менее, выразить своё отношение к прочитанному, ограничусь лишь упоминанием двух других эпох – уровней доброго семейного винного бочонка, в которых автор выдерживает нектар своих познаний и зрений.

Из Рима мы переносимся в Союз, где уже возмужавший Кердан Александр угощает нас новой чарой из обозримого периода истории своей фамилии, а после – оказываемся в средневековой раздробленной Европе и отправляемся вместе с юным отпрыском графского рода Кердана в Крестовый Поход. И снова – приключения, политические интриги, турниры и битвы, осады и штурмы.

Уже совсем достоверными становятся подробные описания замков и рыцарских доспехов, ведь мы уже stalkивались с римским форумом и плебейскими районами вечного города, то есть – поверили автору. Когда же вторая часть романа оканчивается у стен Иерусалима, у самого Гроба Господня, мы снова возвращаемся на кухню (у меня, почему-то, стойкое ощущение того, что такие разговоры могут происходить только и единственно на кухнях), где снова слушаем зрелого уже Кердана.

А лично меня уже манит в этот момент третья, последняя секция драгоценного бо-чонка — история про молодого хлопца Мыколу, сына сотника Остапа Кердана, которому суждено было появиться на свет во смутные времена, быть лично знакомым с Богданом Хмельницким. Пройдя лихой путь, нанюхавшись пороху и отведав крови на сечах грозных, мы, тяжело вздохнув, вновь оказываемся напротив старика Кердана, безрадостно рассуждающего о настоящем веке, Наверное, утратившем героический блеск и славу веков ушедших.

Послевкусие от выпитого мною романа осталось терпкое, слегка вяжущее. Наверное, это связано с тем, что не в силах простой современный язык передать в точности особенности мышления мужей из тех далёких эпох, в связи с чем возникает некоторая неловкость. В деталях и подробностях восстаёт перед нами не картина даже, но тончайшая гравюра величественного Рима, однако описывается она литературным русским языком современности. Тот же горький привкус остаётся и после Крестового Похода в компании доблестного рыцаря из Каталонии и его честного оруженосца Пако. А вот казацкая удаль, будучи к нам с вами, дорогие читатели, самой близкой. Исторически и кровно, как правда семейных преданий удаль добрых молодцев рождает в душе ясную радость — настолько хорошо и, в то же время, щадяще, автор вплетает украинскую мову в топорщащийся вольной хуторской жизнью плетень своего текста, вворачивает неизвестное, но интуитивно понятное словцо!

Не все чеховские ружья стреляют в «Романе с фамилией», но это можно отнести к горечи послевкусия только будучи строгим педантом и классицистом, потому что в жизни вообще нет никаких законов, кроме закона природы. Да, тут нет воздаяния всем по заслугам. Да, в нас вскипает жажда справедливого суда. Но ведь и автор – творец, но не бог, а в книжном мире не автор – читатель есть высший судья.

Мне сложно рассуждать о высших материях, но нельзя, вдумчиво испив зрелого и мужественного вина из семейного погреба автора, звонко опустив на стол кубок, не сказать о божественном. В каждой части, в каждом герое присутствует эта вера. Религиозность и набожность – признаки или чрезмерной трусости, или чрезмерной наивности, или чрезмерной доброты и редко – всего вместе. В случае со стариком Керданом, уверен я теперь, это – однозначно – доброта. Мы редко встречая её в повседневности, особенно в наш век. Александр Кердан оставляет дрожащий постскрипту, но вытягиваясь к божественной доброте, как к молодая лоза солнцу. Добрый человек или теряет надежду и становится циником, или сохраняет её и обретает веру.